

ДРЕВНЕ-ХРИСТИАНСКИЙ КОММУНИЗМЪ.

О «Социализмъ и христіанствѣ» уже очень много писали. Ихъ противоположная природа и идейное несходство выяснены въ достаточной степени. Но есть въ этомъ вопросѣ одна сторона, которая продолжаетъ вызывать нѣкоторыя сомнѣнія, особенно въ средѣ интеллигентной читающей публики. Это — вопросъ о древне-христіанскомъ коммунизмѣ. Говорятъ иногда, что при зарожденіи своемъ христіанство было движеніемъ социальнымъ, а представители социалистической доктрины прямо изображаютъ христіанство, какъ попытку социальной революціи, какъ движеніе пролетарскихъ массъ къ освобожденію отъ гнета имущихъ (Каутскій и др.). Это — де мощное революціонное движеніе стремилось разрѣшить проблему благополучія земного существованія средствами социально-религиозной реформы. Но движеніе не удалось, такъ какъ имущіе вошли въ организацію, и свели попытку на-нѣтъ.

Доказывается это положеніе ссылками на порядки въ Іерусалимской общинѣ, описанныя въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ: «Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее: и продавали имѣнія и всякую собственность и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго.» (11, 44). «У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа,

и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду.» (IV, 32-35). Такъ, поступилъ со своей землей Іосія, прозванный Варнавою. (IV, 36-37). О томъ же свидѣтельствуется рассказъ объ Ананіи и Сапфирѣ, которыхъ покаралъ ап. Петръ, за утайку части денегъ послѣ продажи имущества. Въ свѣтъ этихъ очевидныхъ и рѣшающихъ доказательствъ дѣлаются понятными, по мнѣнію социалистическихъ историковъ, тамъ и сямъ разбросанныя въ св. Писаніи Н. З. фразы и заявленія: «Легче верблюду пройти черезъ игольные уши, нежели богатому войти въ Царствіе Божіе» (Мт. XIX, 24); «Никто не можетъ служить двумъ господамъ». (Мт. VI, 24); «Не миръ принесъ Я, но мечъ» (Мт. X. 34); «Горе вамъ, богатые, ибо вы получили уже свое утѣшеніе!» (Лк. VI, 24); «Не работающій да не ѣсть» (II Тим. III, 10).

Эта комбинація текстовъ не лишена убѣдительности и способна заставить искренняго человѣка задуматься и заколебаться. Правда, доказательная сила этихъ текстовъ ослабляется тѣмъ, что нельзя подобрать текстовъ, говорящихъ о существованіи такихъ же порядковъ въ другихъ христіанскихъ общинахъ апостольскаго времени. Можно найти тексты, обличавшіе богатыхъ (I Кор. XI — о безчинствѣ богатыхъ на вечерахъ), полные негодованія къ богатымъ и богатству вообще (Іак. II, 2-7), но слѣдовъ существованія коммунистическихъ порядковъ въ общинахъ, современныхъ Іерусалимской, найти нельзя. Наоборотъ, тѣ же только что цитированныя мѣста изъ посланій ап. Павла и Іакова говорятъ о наличіи въ общинахъ бѣдныхъ и богатыхъ братій. Соціальное неравенство не

только не было устранено въ частной жизни братьій, но давало себя чувствовать даже во время вечерей любви (I Кор. XI, 20, сл: «Далѣе, вы собираетесь такъ, что это не значитъ вкушать вечерю Господню; ибо всякій поспѣшаетъ прежде другихъ ѣсть свою пищу, такъ что иной бываетъ голоденъ, а иной упитывается.») Извѣстно, что любимая ученица ап. Павла была Лидія продавщица багряницы въ Филиппахъ, что самъ апостоль не отвергалъ даже такихъ сторонъ современнаго ему соціального строя, какъ рабство, и возвратилъ Филимону его бѣжавшаго раба Онисима.

Я не стану умножать цитатъ по этому вопросу — онѣ общеизвѣстны. Одно можно сказать, что сколько бы мы ни читали источники, говорящіе о жизни въ христіанскихъ общинахъ греко-римскаго міра, мы не найдемъ ничего, дающаго намъ основаніе предполагать существованіе коммунистическихъ порядковъ или хотя бы тенденцій въ этихъ общинахъ. Единственнымъ свидѣтельствомъ, смущающимъ насъ, остается только приведенный выше текстъ Дѣяній Апостольскихъ.

Остается предположить, что коммунистическіе порядки сохранились лишь въ іерусалимской общинѣ, той, что приняла завѣты изъ устъ Учителя. Тогда это дѣла не мѣняетъ, ибо Его примѣръ и слова и есть рѣшающее въ нашемъ вопросѣ. Посмотримъ же, какіе завѣты оставилъ самъ Учитель своимъ ученикамъ? Христось, хотя и говорилъ, что «легче верблюду пройти черезъ игольные уши ...», но никогда не былъ соціальнымъ реформаторомъ. Онъ платилъ дидрахму сборщикамъ податей, охотно посѣщалъ пиры фариисеевъ и богатыхъ. Его богатые ученики (Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ) совсѣмъ не думали раздавать своего имущества нищимъ. Мытарь Закхей заслужилъ Его благоволеніе лишь тѣмъ, что рѣшился вознаграждать изъ своего богатства несправедливо имъ

обиженныхъ. Христось принималъ міръ такъ, какъ онъ есть, съ бѣдностью и богатствомъ. Ни въ поступкахъ, ни въ рѣчахъ Его нѣтъ того, что бы мы назвали элементами соціальной ненависти и уравнительными тенденціями. Въ этомъ отношеніи характерна притча, которую вкладываетъ въ уста Его евангеліе отъ Луки (XVI, 1-9): «Сказалъ же и къ ученикамъ Своимъ: одинъ человекъ былъ богатъ и имѣлъ управителя, на котораго донесено было ему, что расточаетъ имѣніе его. И, призвавъ его, сказалъ ему: что это я слышу о тебѣ? дай отчетъ въ управленіи твоёмъ, ибо ты не можешь болѣе управлять. Тогда управитель сказалъ самъ въ себѣ: что мнѣ дѣлать? господинъ мой отнимаетъ у меня управленіе домою: копать не могу, просить стыжусь. Знаю, что сдѣлать, чтобы приняли меня въ дома свои, когда отставленъ буду отъ управленія домою. И, призвавъ должниковъ господина своего, каждаго порознь, сказалъ первому: сколько ты долженъ господину моему. Онъ сказалъ: сто мѣръ масла. И сказалъ ему: возьми твою расписку и садись скорѣе, напиши пятьдесятъ. Потомъ другому сказалъ: а ты сколько долженъ? Тотъ отвѣчалъ: сто мѣръ пшеницы. И сказалъ ему: возьми твою расписку и напиши: восемьдесятъ. И похвалилъ господинъ управителя невѣрнаго, что догадливо поступилъ: ибо сыны вѣка сего догадливѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ. — И я говорю вамъ: пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители.» Это — т. н. притча «о неправедномъ домоправителѣ». Она всегда привлекала вниманіе богослововъ; много комментаріевъ написано на нее. Для нашихъ цѣлей мы можемъ оставить въ сторонѣ ея богословское толкованіе и ограничиться раскрытіемъ ея реального содержанія. Богатство несправедливо. Неправедно не потому, что сосредото-

но въ немногихъ рукахъ. Если бѣ всѣ люди стали обладателями достаточныхъ земныхъ благъ, эти блага остались бы неправедными. Богатство заставляетъ насъ прилѣпиться къ земному и отрываетъ наши помыслы отъ горняго, ибо «нельзя служить двумъ господамъ» (непосредственно за нашей притчей ст. 13). Но социалистической ненависти къ богатству въ притчѣ нѣтъ. Только изъ «мамона неправеднаго» надо сдѣлать наилучшее употребленіе — надо и его сдѣлать средствомъ достиженія Царствія Божія. Истинное назначеніе богатства — милостыня и дѣла милосердія. Здѣсь нѣтъ даже нашей интеллигентской принципіальности, — если богатство зло, то какъ же его предлагать средствомъ спасенія? Не возникаетъ даже сомнѣній въ возможности взять такой образъ. Эти образы берутся изъ окружающей жизни — изъ мѣщанской повседневной жизни людей, погрязшихъ въ заботахъ о существованіи. Бѣдная женщина ползаетъ на колѣняхъ, разыскивая жалкую драхму (Лк. XV, 8-10) — символъ всепрощенія Божія... Плутъ домоправитель пріобрѣтаетъ себѣ друзей за счетъ господина своего... «Ибо сыны вѣка сего догадливѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ.» Эта догадливость беретъ, какъ фактъ, и служитъ конвой замысловатой и тонкой притчѣ. Духъ притчи ясенъ, настаивать же придиричиво на буквальности ея выраженій не слѣдуетъ. Нельзя забывать особенности восточнаго мышленія — его любви къ афоризму. Въ то время, какъ мы любимъ «сухощавое слово», востокъ бралъ во всякомъ явленіи одну сторону и доводилъ мысль до конца, заостряя ее въ парадоксальную форму. Вслѣдствіе чего часто получаютъ положенія, на первый взглядъ другъ другу противорѣчащія. Лишь путемъ сопоставленія можно уяснить себѣ лежащія въ основѣ ихъ факты.

Такое точно сопоставленіе отдѣльныхъ фактовъ

изъ Дѣяній Апостольскихъ можетъ убѣдить всякаго, что смущающій насъ разговоръ II-ой и IV-ой главъ написанъ тоже въ нѣсколько усиленныхъ краскахъ. Здѣсь говорится, что все было общее у вѣрующихъ; но мать Іоанна Марка продолжаетъ жить въ собственномъ домѣ; то же знаемъ мы и о тещѣ ап. Петра. Разговоръ о наказаніи Ананіи и жены его Сапфиры совсѣмъ не предполагаетъ обязательности продажи имущества. Наказаны они не за то, что утаили, а за то, что солгали. — «Чѣмъ ты владѣлъ, не твое ли было, и пріобрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось? Для чего же ты положилъ это въ сердце своемъ? Ты солгалъ не челоукамъ, а Богу». (V, 4). Т. е. и между самими извѣстіями Дѣяній есть нѣкоторое противорѣчіе. Стремясь выйти изъ этого противорѣчія, изслѣдователи (а имя имъ легіонъ) пытались ослабить силу черезчуръ категорическихъ утверженій Дѣяній о коммунистическомъ устройствѣ Іерусалимской общины путемъ умаленія авторитета и и освѣдомленности автора. Указывалось, что евангелистъ Лука былъ эллинъ, плохо знавшій іерусалимскія дѣла и писалъ больше по наслышкѣ, что онъ, по всей вѣроятности, рисовалъ идеальную картину не того, что было, а того, что предносилось его воображенію, проектировавшему въ героическое, хоть и недавнее, прошлое то, чего онъ тщетно искалъ вокругъ себя. Находятъ даже и литературный образецъ этой трогательной картины-описаніе пифагорейской общины, распространенный трафаретъ тогдашняго времени. Это тенденціозное искаженіе фактовъ недавняго прошлаго объясняютъ обыкновенно особенностями личныхъ взглядовъ евангелиста Луки. Уравнительныя тенденціи именно приписываютъ ему самому, указывая на то обстоятельство, что нападки на богатыхъ сосредоточены главнымъ образомъ въ его евангеліи.

Итакъ, на основаніи самихъ же Дѣяній Апо-

стольскихъ, мы можемъ считать, что картина, нарисованная авторомъ, отражаетъ скорѣе его представленія объ идеальной жизни въ духѣ христіанскомъ, чѣмъ дѣйствительные факты. Мелкія житейскія подробности, разсѣяныя тамъ и сямъ въ Дѣянїяхъ, убѣждаютъ насъ въ этомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ нѣтъ никакого права отрицать эту картину цѣликомъ. Мы не смѣемъ заподозрить автора въ совершенно произвольныхъ измышленїяхъ. «Возлюбленный врачъ» (Кол. IV, 14) Лука былъ спутникомъ ап. Павла, слишкомъ хорошо знавшаго іерусалимскія дѣла для того, чтобы его сотрудникъ оказался въ нихъ не освѣдомленнымъ. Лука постоянно встрѣчался съ людьми, ходившими въ Іерусалимъ, видѣвшими апостоловъ; вѣроятно, онъ и самъ бывалъ тамъ. Величайшее религіозное движеніе, свидѣтелемъ рожденія котораго онъ былъ, едва ли нуждалось въ сообщенїи о себѣ выдуманныхъ исторій. И большинство изслѣдователей не рѣшается отмѣтить фактъ, сообщаемый евангелистомъ, цѣликомъ. Пусть не было въ Іерусалимской, окружавшей апостоловъ церкви строго проведеннаго коммунистическаго устройства, пусть не проповѣдывалось ни Христомъ, ни апостолами ненависти къ богатству и уравнильныхъ на собственность взглядовъ, но должно было быть нѣчто, что дало поводъ ев. Лукѣ изобразить іерусалимскую жизнь въ такихъ краскахъ. Всѣ историки выходятъ изъ этого положенія приблизительно одинаковымъ образомъ: исключительныя условія жизни общины, не похожія ни на что другое и создающія видимость коммунистическаго уклада, сложились, по ихъ мнѣнію, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ. Ученики и всѣ увѣровавшіе, собравшіеся по воскресенїи Христа въ Іерусалимѣ, жили въ лихорадочномъ ожиданїи явленій Христа и исполненїи данныхъ имъ обѣщаній. Вопросы существованія и заработка отошли

на задній планъ. Но ѣсть и пить они тѣмъ не менѣе были должны, и чѣмъ многочисленнѣе становилась община, тѣмъ острѣе давала себя знать матеріальная сторона. Попеченіе о нищихъ братіяхъ естественно пало на долю состоятельныхъ членовъ. Все это привело къ созданію своеобразной организаціи, нигдѣ больше въ христіанскомъ мірѣ не повторившейся. Не коммунистическая доктрина вызвала къ жизни эту организацію, но по внѣшности онѣ были сходны. Для характеристики этого явленія изслѣдователи усваиваютъ часто терминъ «коммунизма потребленія.» Самая тонкая характеристика явленія съ этой точки зрѣнія сдѣлана Э. Трельчемъ (*Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen*, 1919). Жизнь іерусалимскихъ энтузіастовъ ему представляется по характеру своему, какъ жизнь огромной семьи. Всѣ помыслы членовъ ея о грядущемъ царствіи небесномъ, а не объ измѣненіи соціальныхъ порядковъ на землѣ. Связывающимъ ферментомъ здѣсь была любовь; она же побуждала богатыхъ предоставлять свои средства въ распоряженіе апостоловъ на нужды церкви. На этотъ пути организація общины должна была притти къ опредѣленному соціальному порядку — минуя идею равенства, несправедливости богатства, къ подобію коммунистической организаціи. Трельчъ назвалъ ее «коммунизмомъ любви» (*Liebeskommunismus*), *op. cit.* 49).

Итакъ, любовь сплотила вѣрующихъ въ тѣсную семью, въ братство, создавшее даже свою организацію. Какъ ни какъ, а здѣсь на лицо хозяйственный органъ изъ коллегіи апостоловъ и присоединившихся къ нимъ вскорѣ «семерыхъ» (впослѣдствіи діаконѣ), органъ, направлявшій усердіе частной благотворительности; средства благотворительности этой, далѣе употребляются не только для равномерной помощи, но, главнымъ образомъ, на «служеніе столамъ» для всей общины. Несмотря

на достаточную убедительность этой схемы не может не возникнуть по поводу нея нѣкоторыхъ сомнѣній. Любовь, спаявшая братій, сплотившихся вокругъ апостоловъ, вовсе не должна была обязательно привести къ данной формѣ организациі. Широкая благотворительность могла найти себѣ примѣненіе въ видѣ помощи нуждающимся членамъ общины, особенно галилеянамъ и другимъ многочисленнымъ пришельцамъ, не имѣющимъ возможности заработка. Эта помощь могла итти частнымъ путемъ, а не тѣмъ централизованнымъ, какимъ она шла по Дѣянїямъ Апостольскимъ. Должно было быть нѣчто, что предопредѣляло развитіе этой стороны жизни общины именно въ такомъ усложненномъ направленїи. Это нѣчто могло заключаться въ идеяхъ, которыя впитывали въ себя вѣрующіе, а также, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ зачаткахъ организациі, намѣчавшихся уже пря жизни на земли Учителя.

Съ такими, я думаю, соображенїями подходилъ къ разрѣшенїю нашего вопроса Бигельмаиръ, авторъ послѣдней по времени работы о христіанскомъ коммунизмѣ (Bigelmair, Andreas. Zur Frage des Sozialismus und Kommunismus im Christentum der ersten drei Jahrhunderte, 1922. въ «Beitrage zur Gesch. des Chr. Altertum und der byzantinischen Literatur» — сборникъ къ юбилею Альберта Эрхардта). Повторяя въ сущности Трельча тамъ, гдѣ онъ говоритъ о любви — основѣ создавагося порядка, объ отказѣ отъ собственности, какъ «обнаруженїи энтузіазма», онъ пробуетъ все же подыскать и другія объясненїя явленїю. Обращаясь къ идеямъ, онъ отмѣчаетъ, что уже въ лонѣ еврейства христіанство могло позаимствовать отрицанїе богатства и преимущество передъ нимъ нищеты. Историческимъ путемъ (состоятельные классы часто поддерживали иноземную власть) сложилось отождествленїе: «богатый — нечестивый, нищій —

праведный.» Отсюда — бѣдность становится идеаломъ и отказъ отъ имущества является заслугой. Пытается Бигельмаиръ найти и прототипъ организаціи, описанной въ Дѣянїяхъ. Онъ думаетъ, что его можно искать въ общинахъ ессеевъ, жившихъ на берегу Мертваго моря. Имъ свойственна была также общность стола и умаленіе храмового культа. Но и самъ Бигельмаиръ замѣчаетъ, что сходство это ослабляется весьма существенными различїями. Черты коммунизма у ессеевъ были гораздо сильнѣе; общности столовъ у ессеевъ сопутствовала жизнь монастырскаго типа, а также работа членовъ общины по установленному плану. Первоначальное христіанство не находилось, кромѣ того, въ такой рѣзкой оппозиціи къ храмовому культу, какъ ессенизмъ. Христіанству, далѣе, совсѣмъ не свойственно было фари́сейски брезгливое отношеніе къ міру, характерное для ессеи́ства, его вѣчная боязнь оскверниться при соприкосновеніи съ обыкновенными смертными — грѣшниками, боязнь, заставившая наиболѣе послѣдовательныхъ членовъ секты выселиться въ пустыню Энгади. Въ этомъ самое глубокое противорѣчіе между двумя явленїями. Христосъ говорилъ, что Онъ пришелъ къ грѣшникамъ, и не чуждался ихъ. Всѣ эти соображенїя и заставляютъ Бигальмаира отказаться отъ окончательнаго рѣшенїя вопроса о вліяніи ессенизма на организацію іерусалимскаго христіанства. Поставивъ вопросъ, онъ не далъ на него отвѣта, ибо единственный возможный, по его мнѣнію прототипъ организаціи являлъ черты, не допускавшїя сближенїя.

Передо мной вопросъ о необходимости болѣе внимательнаго разсмотрѣнїя еврейскихъ традицій, въ связи съ интересующимъ насъ явленїемъ, всталъ еще до прочтенїя книги Бигельмаира, въ процессѣ работы надъ болѣе широкой темой. И мнѣ кажется, что въ этомъ направленїи можно достичь совершен-

но опредѣленныхъ результатовъ.

Обратимся сначала къ идеологіи. Въ этомъ пунктѣ можно углубить построеніе Бигельмаира. Дѣйствовала не одна только исторически создавшаяся схема «нищій — праведный». Высокая мораль, свойственная еврейской религіи, всегда требовала дѣлъ милосердія и любовнаго отношенія къ нуждающемуся брату. Всѣмъ извѣстны предписанія, во всякой книгѣ В. З. встрѣчающіяся, о необходимости и богоугодности помощи вдовѣ, сиротѣ и несчастному. Нужно быть снисходительнымъ къ несчастнымъ, памятуя, что и самъ былъ когда-то рабомъ въ Египтѣ (Втзк. 24, 17, сл.). То же Второзаконіе рекомендуетъ употреблять десятины не только на клиръ, но и на поддержку сирыхъ (14, 29). «Отказывалъ ли я желанію нищихъ, и глаза вдовы томилъ ли я? Ълъ ли я лопотъ мой одинъ?» взываетъ терзаемый бѣдствіями Іовъ (31, 16, сл.). «Милующій бѣднаго займы даетъ Господу», говорятъ Притчи (19, 17), «ибо, близокъ Господь къ сокрушеннымъ сердцемъ» (Пс. 33, 19). Богъ-отецъ сиротъ и судья вдовъ (Пс. 67, 6). И надъ всѣмъ этимъ призывы пророковъ: «Къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ?... Научитесь дѣлать добро: стремитесь къ правосудію, спасите угнетеннаго, заступитесь за сироту, явитесь защитниками въ дѣлѣ вдовицы.» (Ис. I, 11, 17). «О, человекъ, сказано тебѣ въ чемъ добро и чего требуетъ отъ тебя Господь: только дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренномудро ходить предъ Богомъ твоимъ.» (Мих. 6, 8). Такимъ настроеніемъ проникнуты всѣ Писанія. Даже скептической Екклезіастъ совѣтуетъ: «Отпускай хлѣбъ твой по водамъ...» (11, 1). Такое обостренное чувство обязанностей взысканнаго Господомъ счастливица передъ своимъ обездоленнымъ братомъ, какое мы видимъ у духовныхъ водителей народа, должно было естественно привести къ горькому сознанію не-

соотвѣтствія дѣйствительности съ идеальными требованіями. Псалмы и пророческія писанія полны сѣтованій на жестокосердіе богачей и безнаказанность злодѣевъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ: «Отъ гордости нечестиваго томится бѣдный; уловляются бѣдные ухищреніями, которыя вымышляютъ нечестивые... Сидитъ онъ въ засадѣ въ потаенномъ мѣстѣ, какъ левъ въ логовищѣ; сидитъ въ засадѣ, чтобы схватить бѣднаго: хватаетъ бѣднаго, увлекая въ сѣти свои. (Пс. 9, 23, 29); «какъ птичникъ наполненъ птицами, такъ дома ихъ наполнены добычей обмана; такимъ способомъ они возвысились и разбогатѣли. Стали тучны, гладки, поступаютъ, какъ злодѣи; не разбираютъ судебныхъ дѣлъ, даже дѣлъ сироты: наслаждаются жизнью, и тяжбы бѣдныхъ не судятъ.» (Іер 5, 27, сл.). Изъ повышенныхъ моральныхъ правилъ, предъявляемыхъ религіей, изъ сознанія несоотвѣтствія ихъ съ дѣйствительностью, а не только историческимъ путемъ наблюденія постояннаго союза богатыхъ съ иноземцами, должно было вырасти чувство негодованія противъ послѣднихъ. «Горе вамъ, приобрѣтающіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, пока не будетъ мѣста, чтобы вамъ однимъ только жить на землѣ.» (Ис. 5, 8). Какъ слѣдствіе такихъ настроеній, возникаетъ вообще сомнѣніе въ возможности совмѣстить приобрѣтеніе богатства съ сохраненіемъ праведности. Злой ироніей звучатъ слова Іисуса сына Сирахова, когда онъ говоритъ объ источникахъ благосостоянія богатыхъ: «Блаженъ богачъ, оказавшійся безукоризненнымъ и который не гонялся за золотомъ! Кто онъ? и мы прославимъ его, ибо онъ сдѣлалъ чудо въ народѣ своемъ» (31, 5). При такихъ настроеніяхъ легко могли возникнуть, конечно, и соціальныя движенія. И они возникали въ еврействѣ. Даже предписанія самой религіи имѣли въ виду эту сторону. Таковы, напримѣръ, предписанія о

юбилейномъ годѣ (см.: Ис. 23, 10, Лев. сл., 25, 35, сл.; Втзк. 15, 1, сл.). И, поскольку еврейская религія есть религія земного благополучія, въ ея построеніяхъ будущаго имѣется достаточно элементовъ, которые можно отождествить, при непремѣнномъ желаніи, съ характерными чертами современныхъ намъ соціальныхъ движеній — различными оттѣнками социализма. Среди этихъ сходныхъ движеній отмѣчаютъ всегда осужденіе и отрицаніе богатства. Вышеприведенныхъ текстовъ вполне достаточно для иллюстраціи этого положенія. Нельзя отрицать, что такія настроенія переходятъ иногда въ злобныя чувства, подъ стать раздирающимъ нашу современность: «... и отнимутъ (сыны израилевы) добычу у разорителей своихъ и оберутъ грабителей своихъ», говоритъ пророкъ Іезекіиль. И, торжествующій, сзываетъ онъ дальше птицъ небесныхъ и звѣрей полевыхъ на трупы враговъ Израиля: «мясо сильныхъ будете ѣсть и станете пить кровь князей земныхъ»... (Іез. 39, 10. 18). Не станемъ отрицать также, что и мессіанскія чаянія еврейства были земного характера. Все это такъ. Но только, во-первыхъ, торжество предвидится не класса, а цѣлаго народа; во-вторыхъ, нападки на сильныхъ міра и богатыхъ имѣютъ разныя подъ собою основанія. Противъ чужихъ народовъ и ихъ царей и сильныхъ, угнетающихъ Израиля, произносятся угрозы и поддерживается ненависть. Горькая участь готовится имъ — рабство Израилю (Ис. 60) и обездоленіе (никакихъ уравнилельныхъ тенденцій — новые господа смѣнятъ старыхъ). Жестокосердныхъ же богачей и неправедныхъ судей изъ своего народа обличаютъ, какъ нарушителей нравственнаго закона, предписывающаго благодочестіе, правду, милосердіе, братолюбіе. Не права угнетенныхъ защищаютъ обличители, а обязанности каждаго напоминаютъ они человѣку, особливо взысканному Богомъ. Здѣсь существен-

ное различіе между соціалістическимъ и библейскимъ міровоззрѣніемъ. Второе разсматриваетъ вопросъ со стороны религіозной и моральной; первому такая точка зрѣнія совершенно чужда. Чужда по существу. Оно стремится къ равномѣрному благоденствію всѣхъ на землѣ. Въ этой системѣ нѣтъ мѣста морали религіозной; она естественно должна замѣниться утилитарной условностью пользы человѣчества. Но разница двухъ направленій еще глубже, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Соціализмъ ненавидитъ богатыхъ, библейскій праведникъ обрушиваетъ на нихъ громы своего негодованія, потому что отчаялся въ ихъ исправленіи и спасеніи. И это именно приводитъ къ уравнинію: «нищій-праведный». Конечно, вѣрность простого и бѣднаго народа закону и національному дѣлу должна была способствовать утверженію такого взгляда; но по существу, своему онъ всецѣло вытекалъ изъ основныхъ предпосылокъ религіознаго развитія еврейскаго народа.

Священное Писаніе давно сдѣлало личность бѣднаго, убогаго, слабаго предметомъ обязательныхъ заботъ и Бога и всякаго вѣрующаго. (См. напр.: Исх. 23, 6; Втзк. 15, 7, Притч. 14, 20; 19, 17, 22, 16; 24, 11; Ам. 2, 6; 5, 11; 1 Ис. Сир. 4.). Пришествіе Мессіи также связано тѣснѣйшимъ образомъ съ торжествомъ нищихъ и убогихъ. «Да будетъ онъ судить угнетенныхъ въ народѣ, спасетъ сыновъ нищаго и низложитъ притѣснителя... онъ избавитъ вопіющаго бѣднаго и угнетеннаго безпомощнаго; будетъ миловать нищаго и бѣднаго и спасетъ души убогихъ.» (Пс. 71, 4, 12, 13). «И будетъ судить бѣдныхъ по правдѣ, и будетъ рѣшать дѣла смиренныхъ на землѣ по справедливости.» (Ис. 11, 4 — за этимъ слѣдуетъ извѣстное описаніе блаженной жизни на землѣ: волкъ будетъ жить съ ягненкомъ...). «И первенцы бѣдныхъ будутъ напи-

таны, и нищіе будутъ покоиться въ безопасности», объщаетъ тотъ же пророкъ (14, 30). Всѣ эти обътованія носятъ не только характеръ вознагражденія за понесенныя лишенія; у нихъ есть своя мистическая сторона. Нищіе являются въ этихъ обътованіяхъ носителями особыхъ свойствъ. Глухіе слышатъ слова Книги, очи слѣпыхъ увидятъ во тьмѣ, нищіе возрадуются (Ис. 29, 18, сл.). Очень часто пророчества относятъ это славное будущее исключительно на долю нищихъ, изображая ихъ въ видѣ даже отдѣльнаго народа, «Оставлю среди тебя народъ смиренный и нищій, и они будутъ уповать на имя Господне», говоритъ пророкъ Софонія. (3, 12). «Потому благословитъ тебя народъ нищій, и градъ людей обездоленныхъ благословитъ тебя. Потому что ты сталъ крѣпостью для бѣднаго, крѣпостью для нищаго...» (Ис. 25, 3). Послѣдній текстъ особенно интересенъ въ этомъ отношеніи. Въ еврейскомъ текстѣ его начало гласитъ нѣсколько иначе, чѣмъ въ Септуагинтѣ: «Потому народъ сильный будетъ прославлять тебя, гордый страшныхъ племенъ будетъ бояться тебя.» «Септуагинта или сохраняетъ болѣе правильное исконное чтеніе или передѣлываетъ текстъ въ духѣ установившихся взглядовъ.*)

Всѣ предыдущія разсужденія направлены на то, чтобы показать, что въ еврействѣ даже струя соціального негодованія пошла общимъ потокомъ въ руслѣ религіозности. Соціальные вопросы никогда не перестанутъ волновать человѣчество; больно, вѣдь, для сердца человѣческаго видѣть страданія и лишенія незаслуженныя и досадно присутствовать при торжествѣ неправды и безсердечнаго эгоизма. Но не будемъ смѣшивать «соціального» и «соціалистическаго.» Послѣднее есть *terminus technicus*, и, какъ таковой, имѣетъ строго

*) См. интересную статью Watz-a: «Alte hebraische Stamme im Psalmen text der Septuaginta». В. Zschft. I-II, 1925, стр. 1-28.

опредѣленное содержаніе. Соціализмъ, въ конечномъ счетѣ, стремится преодолѣть нищету и доставить всѣмъ одинаковое благополучіе. Для религіозной струи, которую мы сейчасъ выдѣляемъ въ общей системѣ еврейскаго богословія, нищета стала почетной. Нищимъ принадлежитъ будущее; благовѣствованіе обращено къ нимъ (Ис. 61, 1), они же и носители этого благовѣствованія. Для этихъ идей особенно характернымъ является псаломъ 39-ый. Я бы назвалъ его программнымъ псалмомъ. Нищій благовѣствователь (9 ст.) идетъ, какъ написано о немъ «во главѣ Книги» (8),*) проповѣдовать» (*ευκγγελίξειν*) 9) въ собраніи великомъ (*ἐν ἐκκλησία μεγάλῃ* — **), воспѣть новую пѣснь (4) о Господѣ, который не хочетъ ни всесожженій, ни жертвъ (7). Здѣсь «нищій» поднялся надъ, житейскимъ и низменнымъ. Его убожество есть теперь признакъ избранничества. Здѣсь нищета есть лишь элементъ въ системѣ реформаторско-мессіанистическаго характера. Не соціальныя реформы возглашаетъ нищій, а новое чистое поклоненіе въ духѣ и истинѣ, безъ всесожженій и жертвъ.

Еврейская религіозная мысль миновала соціальныя проблемы. Не на грѣшной землѣ взойдутъ сѣмена ея упованій: «нищіе всегда будутъ среди земли», говоритъ Второзаконіе (15, 11). Земныя скорби и печали забудутся въ славномъ будущемъ. Могутъ возразить на это, что при построеніяхъ нашихъ забыть земной мессіанизмъ съ почти кровавымъ торжествомъ надъ врагами. Но, во-первыхъ, надъ врагами народа, а не класса. Во-вторыхъ же, говорилось до сихъ поръ лишь объ одной сторонѣ явленія, всѣмъ хорошо извѣстнаго. Признаемъ, что еврейскій мессіанизмъ вылился въ результатѣ

*) Т. е. во исполненіе пророчества.

***) Греческіе термины, чтобы показать, какія понятія соответствовали словамъ.

своего развитія въ грубо-матеріалистическую форму торжества и благополучія Израиля на землѣ. Долголѣтіе, благоденствіе, благополучіе, торжество надъ другими... Но это уже завершеніе линіи развитія, закостенѣніе въ формахъ, явившихся результатомъ долгаго и мучительнаго процесса.

Среди земныхъ несчастій, въ поискахъ успокоенія, еврейская религіозная мысль создала не одну наивно-пошлую увѣренность въ своемъ міровомъ успѣхѣ. Два потока идей шли параллельно, прежде чѣмъ разойтись. Во второмъ мы находимъ всѣ самыя возвышенныя, которыми и до сего дня живетъ міръ. Оба ряда были антагонистами, и должны были вступить между собой въ борьбу. Ихъ послѣднее столкновеніе — выдѣленіе изъ еврейства христіанства. Извергнутое, христіанство унесло съ собой радости личнаго общенія съ Божествомъ.

Но и до этого столкновенія противорѣчіе обоихъ комплексовъ идей давало себя чувствовать. Зарождаясь въ сердцѣ человѣка, это противорѣчіе питалось и укрѣплялось тѣмъ, что было зафиксировано въ самой Книгѣ Закона. Еврейскій умъ всегда былъ склоненъ проектировать слово и букву закона въ реальность существованія. Отсюда часто формы реальности опредѣлялись у этого народа буквой Закона. Мысль безпокойно свѣряла эту букву съ дѣйствительностью. Здѣсь лежатъ и корни фанатическаго законничества и причины многихъ религіозныхъ споровъ и раздѣленій. Для меня, хоть и недоказуемо, но совершенно ясно, **напримѣръ**, что ессеиство, въ своемъ отрицаніи кровавыхъ жертвъ и отказѣ отъ личной собственности (послѣднее — у братій, выселившихся въ пустыню Энгади), вполне могло исходить изъ Писанія. И приведенный мною выше псаломъ 39-ый является лучшей тому иллюстраціей. Съ большей еще вѣроятностью, мнѣ кажется, можно утверждать, что изъ того же источника черпало свои

взгляды и раннее христианство. Христос пришел исполнить закон, и аргумент от Писания имел действительную силу в среде учеников. Простые и бедные люди первые отозвались на призыв Учителя (Мт. 11, 25), им, конечно, первым несло облегчение слово Его (Мт. 11, 28), то слово, что через них исцелило язвы всего мира, без различия классов. И тот, кто хотел быть совершенным, естественно мог стремиться уподобиться им (Мт. 19, 21). Комплекс мессианистических идей, на базе которых начало христианство свою проповедь, заключал в себе описанные мною выше взгляды на нищаго и нищету. И наши источники хранят тому доказательства. Когда ученики Иоанна пришли к Христу с вопросом о том, кто Он, то Он отвечал им: «подите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют» (Мт. 11, 4, сл.). Придя в синагогу Назарета, Христос раскрывает книгу пророка Исаи (61-ая гл.) и читает: «Дух Господень на мне, ибо Он помазал меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем.. (Лк. 4, 18). Первый из цитированных текстов напоминает нам о нищем благовестователе 39-го псалма. Большую дословную выдержку из того же псалма встречаем мы в послании к евреям (10, 5-7). Близость идей этого псалма христианским была ясна, очевидно, первому поколению.

Пусть не подумает только читатель, что путем предыдущих рассуждений я предполагаю исчерпать вопрос об организации Иерусалимской общины. В системе универсалистических и моральных идей, взятых из Библии, христианство унаследовало и развитое представление о нищем. О нем должен заботиться счастливец, он же,

отягощенный бѣдами и есть подлинный носитель благочестія; онъ же возвѣститъ и о наступленіи новой эры. Эта совокупность идей и въ еврействѣ уже могла развиваться въ сторону формальнаго пониманія преимуществъ нищаго и страстнаго отрицанія богатства (отсюда подчасъ грозныя противъ него филиппики, столь милыя сердцу современнаго социалиста). И въ средѣ первыхъ учениковъ могли уже быть люди, которые преувеличивали значеніе нищеты въ дѣлѣ спасенія. Недаромъ же въ древнѣйшихъ рукописяхъ евангелія отъ Луки, вмѣсто «блаженны нищіе духомъ», стоитъ «блаженны нищіе» (6, 20), а за этимъ слѣдуютъ грозныя рѣчи противъ богатыхъ («Горе вамъ, богатые, ибо вы уже получили свое утѣшеніе!» — 6, 24). Евангелисту Лукѣ, очевидно, не чужда была такая непримиримая послѣдовательность. Представителемъ такого же настроенія является и авторъ посланія Іакова (2, 2-7). Въ особенно рѣзкой формѣ давало оно себя знать часто въ ересьяхъ (вспомните хотя бы Карпократа); въ формѣ смягченной дало начало монашеству. И эти крайности и своеобразно выразившіяся въ жизни ихъ слѣдствія легче всего объясняются именно нашей теоріей. Не потому, чтобы мы, во что бы то ни стало, хотѣли дать фактамъ другое объясненіе, чѣмъ то, которое даютъ социалисты. Путемъ искаженій, затемненій и словесныхъ изворотовъ нельзя доказать своей правоты, а тѣмъ паче остановить ходъ событій. Въ этихъ обстоятельствахъ мудрый совѣтъ Гамалиила остается единственно правильнымъ. Сейчасъ въ нашихъ поискахъ нами руководитъ стремленіе къ исторически объективной истинѣ. Съ этой точки зрѣнія построенія защитниковъ коммунизма Іерусалимской общины сильно противорѣчитъ ей. Порядки этой общины, описанные въ источникахъ, они надѣляютъ чертами коммунизма не на основаніи фактовъ, а путемъ уста-

новленія наличія въ средѣ христіанской рѣзкаго соціального протеста и ненависти къ богатымъ. Выдѣленные изъ своего контекста эти формулы даютъ извѣстный эффектъ. Но даже въ ихъ свѣтѣ описанные въ источникахъ порядки не укладываются въ рамки коммунизма (противорѣчія указаны въ началѣ статьи). Т. о. факты не объясняются теоріей, теорія не подкрѣпляется фактами. Они не связаны между собой, и могутъ быть разсматриваемы отдѣльно. Устанавливая теорію идеализованной нищеты, мы тѣмъ самымъ освобождаемъ факты отъ насильственного объясненія. Освобожденные, они могутъ быть разсмотрѣны во всей ихъ исторической полнотѣ.

Установленная нами идеализація нищеты не рѣшаетъ вовсе вопроса о порядкахъ въ общинѣ. Она уясняетъ намъ характеръ общины, отношенія членовъ между собою, поведеніе отдѣльныхъ членовъ, возможность возникновенія крайностей, но форма организаціи изъ нея не вытекаетъ. И прежде всего надо рѣшить, ведетъ ли эта организація свое начало отъ самого Учителя или она возникла въ силу особыхъ условій жизни Іерусалима (скопленіе энтузіастовъ). Обычно дѣло именно представляютъ послѣднимъ образомъ. Мнѣ, однако, начинаетъ казаться, что жизнь учениковъ съ Учителемъ вылилась въ форму не совсѣмъ случайнаго характера и сложилась подъ воздѣйствіемъ уже нѣкоторыхъ традицій. Традиціи эти какъ и многое въ жизни начальнаго христіанства, сложились подъ вліяніемъ прошлаго. Христосъ, несомнѣнно, разсматривалъ дѣло свое, какъ продолженіе и завершеніе великихъ пророческихъ движеній; по руслу этихъ движеній оно и пошло. Для этого не нужно было даже сознательнаго подражанія. Условія возникновенія движенія были сходны, потому и выливалось оно въ сходныя формы. Тотъ, кто хотѣлъ бы уяснить себѣ обстоятельства,

при которыхъ протекала земная жизнь Христа съ учениками, кто хотѣлъ бы хоть немного приподнять завѣсу, отдѣляющую отъ насъ Христа историческаго, тотъ долженъ внимательнѣе вглядываться въ еврейскую среду и ея обычаи, ибо на фонѣ ихъ протекала земная жизнь Спасителя. И исторія пророческихъ движеній и характеръ ихъ весьма поучительны для насъ въ этомъ отношеніи. Въ толпѣ обыденной появляется пророкъ, и въ отвѣтъ на призывъ его загораются сердца немногихъ избранныхъ. Мгновенный переломъ заставляетъ ихъ бросить все и итти ему вослѣдъ. Такъ совершилось призваніе Христомъ первыхъ учениковъ (Петра и Андрея, Іакова и Іоанна — Мт. 4, 18-22); въ такой же обстановкѣ происходитъ и призваніе пророка Елисея Иліею по разсказу книги Царства: «И пошелъ онъ оттуда, и нашелъ Елисея, сына Сафатова, когда онъ оралъ; двѣнадцать паръ воловъ предъ нимъ, а самъ онъ при двѣнадцатой. И подошелъ Илія къ нему, и бросилъ къ нему плащъ свой. И оставилъ Елисей воловъ и побѣжалъ за Иліею, и сказалъ: позволь мнѣ поцѣловать отца моего и мать мою, и пойду за тобою. Онъ сказалъ ему: поди, воротись; ибо что я сдѣлалъ тебѣ? Тотъ, отошедши отъ него, взялъ пару воловъ и закололъ ихъ, и на снарядѣ воловъ сварилъ мясо ихъ, и раздалъ людямъ, и они ѣли. А самъ всталъ и пошелъ за Иліею.» (I Цр. 19, 19-21). Такъ собирался вокругъ пророка кругъ учениковъ. Были они у Самуила (I Ир. 19, 20 сл.); у Иліи ихъ было пятьдесятъ (IV Цр. 2, 7), у Елисея — сто (2 Цр. 4, 43). Какъ они живутъ? Довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ имѣемъ мы въ разсказахъ IV-ой книги Царствъ о пророкѣ Елисеѣ. Они живутъ вмѣстѣ. Мы знаемъ, на примѣръ, что «сыны пророковъ», живущіе при Елисеѣ, строятъ себѣ новое жилище, ибо старое имъ тѣсно (6, 1-7). Не надо только представлять себѣ эту

жизнь въ формѣ правильнаго общежитія. Мы знаемъ о женахъ и дѣтяхъ пророковъ. Вдовѣ одного изъ «сыновъ пророческихъ» Елисей, путемъ чуда съ елеемъ, ставшимъ неизсякаемымъ въ сосудѣ, помогаетъ заплатить долги своего мужа и спасти своихъ дѣтей отъ нужды (4, 1-7). Очевидно, что исконная въ пророческихъ школахъ традиція жизни въ непосредственной близости со своимъ учителемъ не создала строго выработанной теоріи на этотъ счетъ. Можно было имѣть свой домъ, семью, устраивать по-своему свои личные дѣла. Лишь въ непосредственномъ окруженіи учителя начинается дѣйствовать своеобразное общинное начало. Чѣмъ живетъ это общество? Едва ли они много думаютъ объ этомъ. О нихъ думаютъ другіе. Человѣкъ изъ Вааль-Шалиши приноситъ Елисею хлѣбный начатокъ — двадцать хлѣбцовъ и немного зеренъ — какъ разъ во время, ибо у братства ничего нѣтъ (4, 42 сл.). Когда же совсѣмъ ничего нѣтъ, варятъ себѣ въ большомъ котлѣ похлебку изъ чего придется (4, 38-41). Женщина сунамитянка беретъ на себя заботы о Елисеѣ, и строитъ на своей усадьбѣ горенку, гдѣ бы онъ могъ пріютиться во время своихъ странствій по тѣмъ мѣстамъ (4, 8-10). Въ такихъ же условіяхъ — бытовыхъ и психологическихъ — начиналась проповѣдь Іоанна Крестителя и Христа. И окружающіе видѣли въ этомъ движеніи продолженіе великихъ пророческихъ движеній, и само братство учениковъ склонно было себя такъ разсматривать. Этому можно привести даже нѣсколько косвенныхъ доказательствъ. Наши каноническія евангелія хранятъ въ себѣ слѣды такихъ возрѣній. Очень интересна въ этомъ отношеніи, на примѣръ, 11-ая глава евангелія отъ Матѳея. Въ ней, называя Іоанна Предтечу пророкомъ, Христось отождествляетъ его вмѣстѣ съ тѣмъ съ Іліей (ст. 9 и 14). Это — отзвукъ твердо установившейся въ еврей-

ствѣ традиціи, что, какъ нѣкогда, въ критическій моментъ борьбы за чистоту богопочитанія, пришли одинъ за другимъ два пророка — Илія и вдвое его сильнѣйшій Елисей (IV Цр. 2, 9 — двойная часть духа; 4, 43 — двойное число «сыновъ пророческихъ» у Елисея), такъ и приходъ Мессіи долженъ послѣдовать за появленіемъ предтечи Иліи. И, наконецъ, мягкія и успокаивающія заключительныя слова главы — «иго мое благо и бремя мое легко есть» суть перефразировка древняго пророческаго обращенія, которымъ начиналъ пророкъ свое слово (главнымъ образомъ, грозящее слово). Въ еврейскомъ ему соотвѣтствуетъ «масса», что значитъ: 1) «бремя», «тяжесть» и 2) «изреченіе», «пророчество.» Въ Библии это выраженіе встрѣчается весьма часто въ обоихъ смыслахъ (см. хотя бы словарь Гезеніуса). Особенно употребительно оно въ пророческихъ писаніяхъ, гдѣ стоитъ въ началѣ, какъ нѣкій выкликъ, предупреждающій объ имѣющемъ послѣдовать предсказаніи. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «масса о Ниневіи» (Наумъ I, 1); «масса, которое провидѣлъ Аввакумъ» (I, 1); «масса о Вавилонѣ» (Ис. 13, 1) и мн. др. Перевести это можно было бы, пожалуй, такъ: «пророчество, тяготѣющее надъ...» Правда, современные семитологи протестуютъ противъ сліянія въ одномъ и томъ же случаѣ понятій «бремени» и «пророчества», настаивая на томъ, что это два различныхъ слова, хоть и не отличающихся ни произношеніемъ, ни написаніемъ. Мнѣ кажется, однако, что живой языкъ, языкъ пророковъ, не соблюдалъ такого раздѣленія, иначе непонятна стала бы 23-я глава пр. Іереміи, основанная именно на тонкомъ смѣшеніи этихъ понятій. Онъ обрушивается на лживыхъ пророковъ, обнадеживающихъ народъ и обманывающихъ его ложными прорицаніями. Всюду слышно ихъ: «бремя Господне!». Поэтому Господь запрещаетъ даже употреблять это выраженіе, что-

бы не смѣшиваться съ ними. «Если спросить у тебя кто изъ народа, или пророкъ, или священникъ, говоря: «какое же бремя Господне?», то скажи имъ: какое бремя? — «Я покину васъ», говоритъ Господь» И если пророкъ или священникъ, или изъ народа кто скажетъ: «бремя Господне», то Я накажу того человѣка и домъ его. Но такъ говорите другъ другу и братъ брату: «что отвѣчалъ Господь?» или: «что изрекъ Господь?» А такого выраженія: «бремя Господне» впредь не употребляйте, иначе такому человѣку слово это будетъ тяжкимъ бременемъ; ибо вы извращаете слова Бога живаго, Господа Саваофа, Бога нашего.» (33-36). Вездѣ въ этомъ текстѣ, гдѣ стоитъ «бремя», въ еврейскомъ ему соотвѣтствуетъ «масса». Т. о. евангеліе сохранило намъ слова, чуждыя даже самому составителю, слова Учителя, знавшаго, что онъ пришелъ исполнить законъ и пророки. Бремя грозныхъ испытаній народа, прозрѣваемыхъ провидцемъ древности, смѣнилось желаннымъ игомъ благой вѣсти. Для насъ здѣсь важно это ощущеніе связи прошлаго съ настоящимъ; исходя изъ этого, мы яснѣе представляемъ себѣ традиціи и настроенія, вліявшія на форму евангельскаго общежитія. По характеру своему оно приближалось къ пророческой общинѣ. Съ коммунизмомъ такая организація имѣла столько же общаго, сколько можетъ имѣть всякое общежитіе.

При такой постановкѣ дѣлается понятной и та невозможность свести въ цѣльную идеологическую систему всю совокупность разсѣянныхъ въ нашихъ источникахъ заявленій общаго характера. И мы должны подойти къ вопросу безъ теоретической предвзятости; за это мы можемъ надѣяться приблизить къ своему пониманію ту героическую эпоху, хоть въ малой дозѣ осуществить мечту всякаго историка. При такомъ положеніи намъ не

нужно отбрасывать несогласныхъ съ нашей теоріей фактовъ. Къ фактамъ мы снова и обратимся.

Христось и ученики Его жили вмѣстѣ, и даже имѣли ящикъ для общихъ средствъ. Этотъ ящикъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ того, что ихъ средства къ жизни не добывались ими самими. Для существованія этой группы энтузіастовъ необходимымъ условіемъ было существованіе братьей, не порвавшихъ своихъ связей съ міромъ. Не для всѣхъ была эта полная лишній жизнь — «могій вмѣстити да вмѣститъ», но признавать превосходство ея могъ каждый, и, признавъ его, естественно стремился выразить, чѣмъ могъ, свое преклоненіе передъ нею. Тѣ же психологическія причины вызвали къ жизни аналогичныя явленія у катаровъ и вальденсовъ средневѣковья («перфекты» и остальные въ міру обрѣтающіеся братья); нѣчто подобное, вѣроятно, можно было наблюдать и въ есействѣ.

Люди, поработанные великой идеей, бросили всѣ свои обычныя занятія. Изрѣдка они ловили рыбу. Если не были въ домѣ Лазаря или какого-нибудь имущаго друга; въ домѣ тещи апостола Петра, то буквально не имѣли гдѣ преклонить голову. Заботились о нихъ другіе — принимали, кормили, снабжали необходимымъ. Были и такіе, большею частью женщины, что, проникнувшись высотой ихъ ученія, чувствовали вмѣстѣ съ тѣмъ сердцемъ, чуткимъ сердцемъ матери, всю непрактичность этихъ энтузіастовъ. Они, какъ малыхъ дѣтей, боялись оставить ихъ, и шли за ними, служа имъ. — «Послѣ сего Онъ проходилъ по городамъ и селеніямъ, проповѣдуя и благовѣствуя Царствіе Божіе, и съ Нимъ двѣнадцать. И нѣкоторыя женщины, которыхъ Онъ исцѣлилъ отъ злыхъ духовъ и болѣзней: Марія, называемая Магдалиною, изъ которой вышли семь бѣсовъ, и Иоан-

на, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многія другія, которыя служили Ему имѣніемъ своимъ.» (Лк. 8, 1-3). Какъ служили? Можетъ быть, распредѣляли, учитывали? Нѣтъ, здѣсь не было даже того, что зовутъ «коммунизмомъ потребленія» — равномернаго и для всѣхъ равнаго расходованія. На вечерѣ въ домѣ Лазаря (Іоаннъ 12) Марфа служила, а Марія возлила на ноги Учителя фунтъ драгоцѣннаго нардоваго мв-ра. Это была роскошь. Такъ и понялъ Іуда. Если умѣстно шутить въ серьезныхъ вещахъ, то да будетъ позволено мнѣ сказать, что единственнымъ коммунистомъ въ окруженіи Христа былъ именно онъ, Іуда. Онъ сказалъ: «для чего бы не продать это муро за триста динарїевъ, и не раздать нищимъ.» Раздать, распредѣлить!

Традиціи, дѣйствовавшія въ общинѣ евангельской, продолжали дѣйствовать и въ апостольской церкви Іерусалима. Ростъ числа членовъ, естественныя разслоенія въ ихъ средѣ, распространеніе церкви за предѣлы Іерусалима, а потомъ и Палестины, должны были усложнить и видоизмѣнить организацію. Но нѣчто сохранилось въ ней отъ временъ Христа даже на почвѣ эллинистической. Таковы странствующие проповѣдники съ пророками во главѣ. Была принята такъ же всей церковью и укрѣпилась въ ней традиція содержать членовъ Іерусалимской общины. Здѣсь дѣйствовали не только невѣроятно быстрый ростъ общины, изсякновение мѣстныхъ средствъ, но также и образовавшіеся въ ней навыки и привычки. Во всѣхъ церквахъ разсѣянїя производились сборы на братїи Іерусалима. Всѣ эти условія повели къ созданію въ Іерусалимѣ порядковъ, давшихъ поводъ отождествлять ихъ съ коммунистическими. Да другой формы, кромѣ организованнаго распредѣленія, и не могло быть для средствъ, поступающихъ со стороны. Но повсюду въ остальныхъ церквахъ

это разсматривалось, какъ особенность Іерусалимской церкви, пожалуй, какъ ея право. За предѣлами Іерусалима подражанія оно не вызвало. Основная причина та, что христіане вообще не были социальными реформаторами. Сердце ихъ не на землѣ, а тамъ, гдѣ сокровище ихъ — на небѣ. «Думайте о горнемъ», бросаетъ ап. Павель въ посланіи къ Колоссянамъ (3, 2). На землѣ они, какъ дѣти. Идя проповѣдывать, они, по слову Спасителя, не должны брать ни посоха, ни сумы, ни хлѣба, ни серебра и не имѣть двухъ перемѣнъ одеждъ (Лк. 9, 3). «Не заботьтесь для души вашей — завѣщаль имъ Учитель — что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что одѣться. Душа больше пищи, и тѣло — одежды.» (Лк. 12, 22). Далѣе — о птицахъ небесныхъ и лиліяхъ полей. Не такія настроенія могутъ служить стимуломъ процвѣтанія на землѣ. На свое пребываніе на ней они смотрѣли какъ на краткую, временную стадію. «Пришельцы», «странники» въ мірѣ, любили они называть себя. Поэтому — то не нужно и собирать сокровищъ на землѣ, «гдѣ моль и ржа истребляютъ.» Тѣмъ болѣе, что эти тлѣнныя сокровища тяжкими путами ложатся на человѣка, привязываютъ его къ землѣ. Христіанство древнее больно чувствовало эту трагедію раздвоенія человѣка между земнымъ и небеснымъ. Отсюда и всѣ его филиппики противъ богатства; отсюда — «отрекись отъ себя», лучше «продай имущество и раздай бѣднымъ.» Не въ имущественныхъ отношеніяхъ здѣсь дѣло, и не въ пайкѣ для бѣдныхъ, а въ боязливомъ и брезгливомъ отношеніи къ имуществу, источнику человѣческаго малодушія. «Кто поставилъ меня судить или дѣлить васъ?» сказалъ Христосъ человѣку, просившему Его раздѣлить наслѣдство между нимъ и братомъ (Лк. 12, 14). Эту глубокую истину власти земли, того, что «духъ бодръ, а плоть немощна», ясно сознавалъ

вслѣдъ за Христомъ и апостолъ Павелъ. Онъ, въ своихъ заботахъ оградить слабаго человѣка отъ соблазна и паденія, еще больше хотѣлъ бы изолировать его отъ мірскаго — уговорить воздержаться и отъ брака, ибо — звучатъ задушевные и заботливыя слова, — «будете имѣть скорби по плоти; а мнѣ васъ жаль». (I Кр. 8, 28). И эта трогательная любовь къ слабому и страдающему есть самое характерное въ христіанствѣ. Отсюда, а не изъ соціальныхъ теорій исходитъ его призывъ къ труждающимся и обремененнымъ, къ грѣшникамъ. Въ любви и главная сила христіанина. Она споспѣшествуетъ ему въ достиженіи непосильнаго (Рм. 8, 28). Ея источникъ въ любви Того, кто отдалъ все за человѣчество, кто прошелъ черезъ порогъ смерти. Здѣсь — мистерія христіанства. Крещеніе въ смерть Христа есть вмѣстѣ съ тѣмъ смерть ветхаго человѣка въ посвящаемомъ (Рм. 6, 3). Въ смерти стараго рождается новый человѣкъ — «и уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ. А что нынѣ живу во плоти, то живу вѣрою въ Сына Божія, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня.» (Гал. 2, 20). Идея любви дѣлается почти осязаемой: «любовь — кровь Христа» (Игн. Бгн. Тралл. 8). Величайшая напряженность чувства разрѣшается величественными выраженіями его. Ярче всего этотъ пафосъ любви выраженъ въ т.-н. «гимнѣ любви» 1-го посланія апостола Павла къ Коринфянамъ, каковой я и позволю себѣ привести въ заключеніе (13, 1-8):

«Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я — мѣдъ звенящая, кимваль бряцающій.

Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое знаніе и всю полноту, вѣрую, такъ что могу и горы переставлять, а любви не имѣю, — то я ничто.

И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло

мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы.

Любовь долго терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зло, не радуется неправдѣ, и сорадуется истинѣ; она все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ.

Любовь никогда не перестанетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится.»

М. А. Г е о р г і е в с к і й.
